

Вэй Хо усмехнулся:

— Я просто высказал своё мнение, тебе не нужно на меня обращать внимание.

Тань Чжэ тоже засмеялся:

— Ничего. Мне и самому было неловко. После твоих слов на душе стало легче, и я подумал, что скорее разделяю твою точку зрения.

Прошло ещё несколько дней. Ночью Вэй Хо лежал в постели, ворочаясь с боку на бок.

На следующее утро предстояло идти в экзаменационный двор, столичный экзамен вот-вот должен был начаться. Он не мог уснуть, почти час ворочался на постели, как лепёшка на сковородке, но сон так и не шёл.

Вэй Хо с досадой сел, некоторое время сидел, поджав ноги, затем, шлёпая туфлями, открыл дверь комнаты и взглянул на водяные часы — было уже около девяти вечера.

Едва он повернулся, как фигура перед ним заставила его вздрогнуть. Вэй Хо тут же похлопал себя по груди и с недоумением посмотрел на Цинь Хуай:

— Почему ты выходишь из комнаты в такое время?

— А ты разве не такой же? — парировал Цинь Хуай и, увидев его слегка растрёпанные волосы, поднял руку, чтобы пригладить их. — Ты и раньше был таким: перед большими экзаменами с трудом засыпаешь. Я беспокоился, вышел проведать.

В сердце Вэй Хо потеплело, он промычал в согласии:

— Именно так. Замучился совсем. Завтра утром уже экзамен, а глаза сомкнуть не могу.

Цинь Хуай внимательно посмотрел на него несколько мгновений, затем тихо сказал:

— Раньше я учился у наставника искусству массажа, говорят, оно успокаивает нервы и помогает уснуть. Но я никому не делал, не знаю, сработает ли. Хочешь попробовать?

Вэй Хо подумал:

— Ладно, попробуем.

Они вернулись в комнату Вэй Хо. Тот лёг на кровать, Цинь Хуай сел на край, сначала взял его руку, поворачивал её, затем начал разминать, начиная с ладони Вэй Хо.

Его нажим поначалу был слишком сильным, Вэй Хо не выдержал и закричал:

— Легче, легче, больно!

Движение Цинь Хуай замерло, и он ослабил давление. Приятное покалывание распространилось от ладони, Вэй Хо почувствовал одновременно и наслаждение, и странность, невольно рассмеявшись.

Цинь Хуай беспомощно приподнял бровь:

— Давай уже закрывай глаза?

Вэй Хо промычал, закрыл глаза, уголки губ всё ещё трогала улыбка. Цинь Хуай помассировал ему плечи и спину, движения постепенно становились медленнее и мягче.

Окутанный знакомым запахом человека рядом, Вэй Хо понемногу расслабил мысли и медленно погрузился в сон.

Когда Цинь Хуай снова взглянул на него, глаза его были мягко сомкнуты, густые ресницы опущены — он уже крепко спал.

Цинь Хуай прекратил движения, укрыл его одеялом и бесшумно вышел.

На следующее утро Вэй Хо оделся, в последний раз проверил свой узелок, и тут постучал Цинь Хуай.

Северный экзаменационный двор был недалеко от постоянного двора, путь занимал время горения одной палочки благовоний. Чуть прошло три часа утра, а у ворот экзаменационного двора уже выстроилась длинная очередь. Все экзаменующиеся выглядели серьёзными, редко у кого на лицах была лёгкость. Предстояло провести десять дней в тесных кельях, без возможности свободно ходить, что, несомненно, было тяжким испытанием. Каждый припас сухой провизии и одежды, узлы были туго набиты.

Вэй Хо встал в конец очереди и медленно продвигался вместе со всеми. Когда до его очереди на досмотр оставалось несколько человек, он сказал Цинь Хою:

— Возвращайся, скоро моя очередь.

Цинь Хуай посмотрел на солдат, досматривавших экзаменующихся, затем повернулся к нему и кивнул:

— Тогда я пойду назад, через десять дней встречу тебя здесь.

Вэй Хо промычал в согласии и улыбнулся ему.

Все необходимые наставления были даны, Цинь Хуай развернулся и ушёл.

Впереди кто-то задержался надолго, и Вэй Хо успел подслушать разговор двух человек позади себя.

— Не знаю, пригодится ли заученный мной политический трактат, немного нервничаю, — сказал один.

— Не бойся, даже если выучил не полностью, ничего страшного, используй то, что сможешь, хоть несколько фраз, — ответил другой.

— Я послушал, что говорил Ван Юань, и специально наводил справки. Узнать предпочтения императора не так уж сложно.

— Расскажи-ка.

— Хе-хе, тогда ты будешь мне обязан, — рассмеялся собеседник. — Во-первых, император любит строить роскошные загородные дворцы. Три года назад к северу от Цзянью у подножья горы был построен Юань-гун.

— Какой «юань»?

— «Юань» как в «знатная девица-юань». В день заселения во дворец, говорят, его обслуживали десять фрейлин. Продолжаю. Во-вторых, император любит красавиц и хорошее вино. Я думаю, темы политического трактата будут связаны именно с этими двумя моментами.

Другой не очень поверил, тихо сказав:

— Вряд ли возможно. Политический трактат проверяет наше понимание текущей политики, всё это не подходит для официальному обсуждению...

— Эх, ты, дубина неотёсанная, совсем не соображаешь! Ван Юань же говорил: большие чиновники, маленькие чиновники — все должны слушаться императора. Я тайно разузнавал о прошлых экзаменах. Оказывается, не обязательно быть действительно учёным, чтобы быть выбранным. Те, кто в итоге получил степень цзиньши и теперь служит при дворе, все во всём угождают воле императора, процветают и преуспевают. А те, кто изначально были хороши в учёбе, но из-за чрезмерной неподкупности писали вещи, не угодные императору, в итоге провалились. Больше ничего не скажу, ты и сам должен понять.

— ...

— ...

Эти двое говорили негромко, у Вэй Хо был острый слух, да и стоял он близко, поэтому смог разобрать слова; чуть поодаль, наверное, уже не расслышал бы.

Императорский экзамен — дело государственной важности, а столичный экзамен проводится в столице, здесь ни в коем случае нельзя было халатно относиться. Солдаты потребовали, чтобы Вэй Хо расстегнул одежду и снял обувь. Хотя это казалось чрезмерно суровым, Вэй Хо охотно подчинился.

Если удастся преуспеть, это станет первым шагом к процветанию семьи. Сделаешь хорошую чиновничью карьеру — и богатство, и роскошь, и прекрасные экипажи, и красавицы — всё будет. Такие огромные выгоды побуждают некоторых мошенничать и стремиться к победе, часто идя на уловки с нижним бельём и обувью. Вэй Хо всё это знал, и офицеры с солдатами, конечно, тоже были в курсе. Необходимо было осмотреть всё до мелочей, прежде чем допустить человека.

После регистрации у надзирающего офицера Вэй Хо взял свой узелок и вошёл в экзаменационный двор. Подняв голову, он увидел, что на наблюдательных вышках через определённые промежутки стояли солдаты, все с длинными пиками в руках, осанка прямая.

Он мысленно восхитился, затем быстро занял свою келью.

Когда пришло время, вдали прозвучали колокола и барабаны. Вэй Хо глубоко вдохнул, очистив ум от посторонних мыслей. Вскоре ему выдали экзаменационные листы. Он очень тонко заточил кончик кисти, нахмурил брови, завис над листом и написал своё имя.

Столичный экзамен состоял из трёх больших частей. Вэй Хо тоже привык к такому распорядку: сначала выполнить часть по конфуцианским канонам, затем ответить на стихи и оды, и в конце — на политический трактат.

Спустя несколько дней, увидев первый вопрос политического трактата, Вэй Хо остолбенел.

Требовалось, опираясь на конфуцианские каноны, рассуждать о системе отбора наложниц.

Посмотрев на следующий вопрос, он увидел, что нужно, основываясь на нынешнем рельефе государства Чэнь, обсудить, как следует строить и распределять дворцовые сооружения.

В сознании Вэй Хо всплыли слова Ван Юаня и разговор, подслушанный им перед входом в экзаменационный двор.

Политический трактат был разделом, где экзаменующиеся предлагали двору свои планы и стратегии, демонстрируя управленческие способности. Раньше Вэй Хо не любил это, считая скучным и утомительным, но позже, пройдя через многое, изменил своё первоначальное мнение.

Но столкнувшись с таким экзаменационным листом, с такими темами, сердце Вэй Хо упало.

Отбор наложниц, дворцовые сооружения — всё это было далеко от изначального замысла политического трактата. Неужели правда, как говорили те люди, чтобы победить, нужно попасть в «болеву точку»?

Если в груди есть глубокие мысли, смело излагай их на бумаге, нужно уметь думать и осмеливаться мыслить.

Вэй Хо покачал головой, успокоил ум, велел себе не размышлять лишнего, и начал тщательно набрасывать черновик на черновиковой бумаге.

Десять дней были долгими, но и короткими, пролетели мгновенно.

Сдав экзаменационные листы надзирающему чиновнику и поднявшись с деревянного стула, Вэй Хо едва не подкосились ноги. Он поднял голову и посмотрел на серое небо — должно было пойти дождь. Выйдя из кельи и глядя на людей, понемногу выходящих за ворота двора, он почувствовал, будто между этим моментом и прошлым пролегла целая эпоха.

Медленно выйдя на улицу, Вэй Хо почти сразу увидел Цинь Хуая, и только тогда в душе появилось чувство устойчивости.

Он широко шагнул в его сторону, ещё не успев ничего сказать, как с неба упали крупные капли дождя, с немалой силой ударяясь о землю.

Цинь Хуай ловко раскрыл зонт, который держал в руке, обнял Вэй Хо и быстро повёл его вдоль улицы обратно в постоянный двор.

Редко случался такой сильный весенний дождь. Войдя в двери постоянного двора, Вэй Хо отряхнул промокшую одежду. Цинь Хуай прикрыл его от большей части дождя и ветра, поэтому промок ещё сильнее.

Слуга проявил сообразительность, немедленно принес в комнату горячую воду. Вэй Хо переоделся, взял полотенце, смочил его водой и, прежде чем вытереться, понюхал и невольно сморщился, пробормотав:

— Как воняет.

Цинь Хуай тихо рассмеялся:

— Десять дней не мылся, странно, если бы не воняло.

Вэй Хо всегда любил чистоту, даже сам не мог вынести свой запах. Помахав полотенцем,

сказал:

— Вон, вон, я хочу обтереться.

Цинь Хуай молча позволил вытолкать себя за дверь и вернулся в свою комнату. Слуга вскоре тоже принёс в его комнату горячую воду.

Вэй Хо переоделся в свежую одежду, только тогда вышел поужинать. Многие цзюйжэнь тоже сидели внизу, оживлённо обсуждая только что закончившийся столичный экзамен.

Тань Чжэ вышел поздно, когда он сел, Вэй Хо уже почти доел всё в своей тарелке.

Он заказал еду, упёрся руками в стол и спросил:

— Как сдал?

<http://bllate.org/book/15583/1387672>